

УДК 94(477.75)“192/193”:061.12

**ИЗУЧАЯ ДРЕВНОСТЬ И СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЫМА (1922–1932 гг.)**

Севастьянов А. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: spu_crimea@mail.ru*

В статье на основе анализа массива научных публикаций членов Российского общества по изучению Крыма воссоздается активный исследовательский процесс изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крымской АССР в 20-х – начале 30-х гг. XX в. Представляется историографическая оценка научного наследия А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключевые слова: Российское общество по изучению Крыма, археология, памятники, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти

Одной из актуальных тем в контексте восстановления объективной истории изучения Крыма, является реконструкция вклада научных сообществ разного уровня представительства, проводивших свою работу в период всплеска регионоведческих исследований 20-х – начала 30-х гг. XX в. Местная инициатива подвижников-краеведов досоветского периода после установления Советской власти получила государственную поддержку. В годы Гражданской войны наблюдалось активное сотрудничество крымоведов с авторитетнейшими представителями отечественной науки из столичных центров (наиболее ярко этот синтез проявился в деятельности Таврической ученой архивной комиссии и ее преемника – Таврического общества истории, археологии и этнографии). Одновременно с этим в первые годы после установления Советской власти в Крыму возникали новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова. Среди таковых ключевую роль играло Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) [1].

РОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах группу авторитетных советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымоведческих знаний. Научное общество, созданное на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований [2].

Интерес предшествующих исследователей краеведческого движения в Крыму к работе РОПИК был фрагментарным. Богатейшее научное наследие членов Общест-

ва не стало предметом целенаправленного всестороннего изучения. Ученые и краеведы останавливались в своих разработках на сюжетах деятельности РОПИК, касавшихся общих тенденций развития краеведения в Крымской АССР (КрАССР) в период работы Общества: этнологические штудии, участие столичных исследователей в научных экспедициях в Крым, развитие научной периодики. Это объясняет **актуальность** исследования деятельности РОПИК в крымском краеведении, создания полного очерка научной и популяризаторской деятельности организации и определения ее роли в краеведческом движении СССР 20-х – начала 30-х гг. XX в. Ключевой **задачей** исследования истории деятельности РОПИК является анализ научного наследия членов организации, выявление основных направлений исследовательского поиска ученых и краеведов, определение влияния некоторых концепций и дискуссий вокруг отдельных тем исследований на дальнейшее развитие исторических и этнографических штудий в контексте крымоведения.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива научного наследия членов РОПИК по вопросам изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крыму на основе малоизвестных опубликованных и архивных источников.

В начале 20-х годов XX века наблюдалось значительное оживление археологических исследований в Крыму. Это было связано с началом активной деятельности общегосударственных учреждений, призванных регулировать и курировать изучение и сохранность памятников истории и культуры: Главнауки Наркомпроса РСФСР (г. Москва), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, г. Ленинград), регионального подразделения – КрымОХРИСа. В контексте археологического изучения Крыма оригинальные исследования членов РОПИК можно разделить на четыре направления: первобытная археология, изучение античных памятников Херсонеса и Керченского полуострова, раскопки мусульманских памятников Солхата и Бахчисарая, исследование материальных остатков пребывания в Крыму генуэзских колонистов в средневековый период.

В 1923–1924 гг. по поручению Этнографического отдела Русского музея (г. Ленинград) раскопки стоянок периода древнего и среднего палеолита произвел научный сотрудник этого учреждения, член Правления Ленинградского отделения РОПИК Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Их результаты были опубликованы в журнале «Крым» в очерке «Доисторические культуры Крыма» и стали вехой в развитии отечественной археологической науки [3]. Кратко осветив роль предшествовавших исследователей в изучении пребывания первобытного человека в Крыму (Н. И. Дубровский, П. П. Ефименко, С. И. Забнин, Н. Н. Клепинин, К. С. Мережковский, А. С. Моисеев, Н. И. Репников), автор очерка остановился на составе своей экспедиции. В ней принимали участие выдающийся крымовед, профессор Крымского университета Н. Л. Эрнст (1889–1956), член ТУАК и ТОИАиЭ, археолог-любитель С. И. Забнин, студенты ленинградских и симферопольских вузов. В 1923 г. тщательному исследованию в крымских предгорьях подверглась пещера Кош-Коба. В ней удалось найти остатки ископаемых костей животных, не прямые следы пребывания первобытного человека. На следующий год исследование проходило уже в 14 пещерах в районе между Бахчисараем и Инкерманом. Цен-

ный материал по эпохе верхнего палеолита удалось выявить только в одной из них – в Сюреньской пещере [3, с. 74–76]. Тогда же, при завершении экспедиции, в районе, не предполагавшемся к изучению, случайно были сделаны «совершенно исключительные по своему значению» находки в гроте Киик-Коба в предгорной части Крыма. В слое четвертичного периода вместе с костями животных, кремневыми орудиями были найдены два человеческих костяка – ребенка и взрослого в самом нижнем геологическом слое. Остатки человеческих костей были расположены в специальном углублении грота, что говорило об осознанности погребения. В нетронутom положении остались только кости обеих стоп и правой голени взрослого, остальные кости были выброшены из могилы поздними жителями грота [3, с. 77].

Ввиду крайней важности находок в Киик-Кобе, в 1925 году экспедиция продолжила свою работу на средства Русского музея, Главнауки и КрымОХРИСа в том же составе. При дальнейшем вскрытии грунта в пещере были обнаружены масса кремневых орудий, костей животных, несколько костных фаланг руки взрослого человека, практически неповрежденные [3, с. 78].

Кроме публикации отчета экспедиции, Г. А. Бонч-Осмоловский сформулировал в очерке оригинальную концепцию классификации археологических культур древнего Крыма. Значительное место в ней автор уделял анализу собственных находок в Киик-Кобе. Анализировалась местность, стратиграфия геологических слоев, строение очагов и каменных орудий [3, с. 79–84]. Отдельному описанию подверглись найденные человеческие кости, констатировалось отсутствие ключевого элемента в исследовании останков первобытного человека – черепа – позволяющего точно датировать находки по антропологическим данным. Отдельно характеризовалась могила, специально выдолбленная в скальной породе грота для погребения. Все объективные данные захоронения позволили Г. А. Бонч-Осмоловскому отнести его к эпохе древнего палеолита, времени существования людей неандертальского типа (в современной археологической науке произошла коррекция терминов – время жизни неандертальцев выделяют в отдельную эпоху – мустье, которая также имеет название среднего палеолита). Также исследователь сформулировал особо ценное научное значение открытия: впервые стопы человека-неандертальца были найдены в целом виде; погребение было совершено специально в гроте, следовательно, это указывало на наличие у древнейших обитателей Крыма примитивных сакральных представлений о загробной жизни. Наиболее важным результатом экспедиции стало выявление первых человеческих останков эпохи древнего палеолита на территории СССР на тот момент [3, с. 84–86].

Также Г. А. Бонч-Осмоловский в очерке охарактеризовал памятники эпохи верхнего палеолита, основываясь на исследованиях К. С. Мережковского второй половины XIX века и современных на тот период работах П. П. Ефименко. Краткий очерк был посвящен и «веку металлов» (раннему железному веку), в основе его содержания был обзор находок предметов кизил-кобинской культуры, совершенных совместно с Н. Л. Эрнстом при раскопках в селении Нейзац, в Кизил-Кобинском и Кош-Кобском поселениях [3, с. 87–94].

В общем выводе Г. А. Бонч-Осмоловский констатировал наличие в Крыму памятников эпох древнего палеолита, ориньякского периода верхнего палеолита,

культур конца бронзового и раннего железного века [3, с. 94]. В дальнейшем ученый значительно развил свои исследования в вопросе древнейшего прошлого Крыма по антропологическим и археологическим источникам, которые отразились в классической монографии «Палеолит Крыма» [4], публикация которой была завершена уже после смерти ученого. Значение исследований и открытий Г. А. Бонч-Осмоловского в полной мере были оценены в процессе дальнейшего развития штудий в области палеолита. Исследователи биографии и научной деятельности выдающегося археолога (В. В. Бунак [5], С. Н. Бибиков [6], С. В. Смирнов [7], Г. П. Григорьев [8], С. А. Васильев [9], У. К. Мусаева [10]) отмечали однозначную прогрессивность выводов Г. А. Бонч-Осмоловского для развития археологической науки в целом и эволюционного направления в антропологии. Редактор посмертно изданной третьей части монографии «Палеолит Крыма», первый биограф Г. А. Бонч-Осмоловского, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Бунак (1891–1979) подчеркивал, что Г. А. Бонч-Осмоловский, стремясь наметить общую картину эволюции древних палеолитических орудий, благодаря исследованиям крымских памятников, особое внимание уделял способам изготовления и функциям каменных орудий в жизни людей, сформулировал общую концепцию грота как основного и естественного местопребывания коллективов первобытных людей. Дискуссионными, по мнению В. В. Бунака, являлись предположения Г. А. Бонч-Осмоловского относительно развития кисти руки и стопы древнего человека, что отражало уровень его эволюции от высших приматов. Однако данная дискуссионность выводов могла быть отнесена и на счет ограниченности средств и материалов, имевшихся в распоряжении Г. А. Бонч-Осмоловского при проведении исследований и формулировании выводов [5, с. 391–393]. Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук УССР С. Н. Бибиков (1908–1988) обращал внимание на полемичность многих положений работ Г. А. Бонч-Осмоловского, прежде всего касавшихся принципов датировки находок в Киик-Кобе, которые имели исключительное значение при оценке места данного памятника в древнейшей истории. Оценивая общее значение работ Г. А. Бонч-Осмоловского, С. Н. Бибиков отмечал значение комплексности исследований ученого, неразрывность археологического контекста с биологическими условиями существования древнего человека, влиянием природного фактора на развитие предков современных людей. Также С. Н. Бибиков проследил судьбу основных положений концепции Г. А. Бонч-Осмоловского в развитии истории науки о древнейшем прошлом человечества. Основной ревизии подверглась датировка найденных в Киик-Кобе останков человека – с периода древнего палеолита данные кости были переведены в период среднего палеолита (эпохи мустье), а останки человека – окончательно отнесены к неандертальскому антропологическому виду. Также коррекции подвергся вывод ученого о слабом развитии охоты среди жителей Киик-Кобы, который был сделан на основании количественного соотношения костей ископаемых животных в нижнем и верхнем слоях грота. Данные поправки, по мнению С. Н. Бибикова, не меняли главного существа открытия в Киик-Кобе, определенные же неточности, потребовавшие корректировки в дальнейшем, исследователь относил на излишнюю исследовательскую увлеченность Г. А. Бонч-Осмоловского (которую отмечали и его сотрудники-современники) общеэволюци-

онными теоретическими построениями [6, с. 279–281]. Подводя итоги, можно сделать вывод о значительности открытия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте комплексных исторических исследований, которые включали в себя скрупулезные археологические, антропологические, геологические, биологические штудии и привели к созданию оригинальной концепции организации жизни первобытных людей, основные положения которой остаются актуальными и в современных условиях развития исторической науки.

Характеристике микролитической археологической культуры эпохи мезолита и ее памятникам в Крыму посвятил свои исследования доцент Первого МГУ, заведующий лабораторией Государственного центрального музея народоведения, заведующий археологическим подотделом Главнауки НКП РСФСР, член Правления РОПИК Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) [11]. Охарактеризовав отличительные черты микролитической культуры и ее место в археологии Европы, ученый в своем очерке «Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г.: Предварительное сообщение» представил краткий анализ ее изучения в досоветский период в России: в очерке представлены исследования К. С. Мережковского, А. С. Моисеева и современника П. П. Ефименко [11, с. 99–100].

Непосредственным объектом работ Б. С. Жуков выбрал район Ай-Петринской яйлы (горное побережье от Ялты до Алупки). В 1926 году он провел там предварительные разведки. Одновременно в этом районе по плану работ Главнауки разведки провел директор Ялтинского музея краеведения, заместитель председателя Ялтинского отделения РОПИК Г. Я. Россилевич. В 1927 году после обращения Г. Я. Россилевича к Б. С. Жукову усилия исследователей были объединены, московский ученый встал во главе единой экспедиции [11, с. 101]. Результатами работ в 1927 году стали многочисленные находки микролитической индустрии, позволившие установить местонахождение еще двух мезолитических стоянок первобытных людей – у скалы Ат-Баш и в урочище Балин-Кош. Все найденные материалы были отправлены на экспертизу в Антропологический институт им. Д. Н. Анучина при Первом МГУ, после которой должны были пополнить фонды Ялтинского музея краеведения [11, с. 102–107]. Вклад Б. С. Жукова в развитие археологических исследований долгое время оставался вне поля внимания исследователей – это было связано с арестом ученого в 1931 г. в рамках разгромной кампании в советской науке и его гибелью в лагерном заключении в 1934 г. Единственной подробной работой, содержащей анализ роли ученого в развитии археологических исследований является современная статья кандидата исторических наук Александра Александровича Формозова, однако в ней раскопки в Крыму только упоминаются в контексте комплексности штудий Б. С. Жукова, касавшихся, прежде всего, памятников Центрального региона Европейской России и Поволжья [12].

В 1928 году работы на Ай-Петринской яйле продолжились в рамках комплексной Крымской экспедиции Московского отделения РОПИК. Их проводил по поручению организатора старший ассистент Ленинградского государственного университета Тарасий Федорович Гелах, который продолжил изучение наиболее богатой стоянки района – Балин-Кошской. Были раскопаны кремневые орудия и примитивная керамика эпохи неолита [13].

Организатором постоянных комплексных исследований памятников античного и средневекового времени в Севастополе был директор раскопок в Херсонесе, член правления Ленинградского отделения РОПИК, член Севастопольского отделения РОПИК, профессор Константин Эдуардович Гриневич (1891–1971). В информационной заметке «Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом (Корсуни – наших древних летописей)», опубликованной в 1926 году, ученый представлял сжатую картину истории древнего города, рассказывал о последовательности его научного изучения с конца XIX и до начала Первой мировой войны в 1914 году. К. Э. Гриневич информировал о возобновлении раскопок в совершенно неизученном участке городища – в районе т. н. «Башни Зенона», содержащего слои, насыщенные богатыми археологическими памятниками [14].

В 1926 году экспедиция под руководством К. Э. Гриневича начала исследования по подтверждению или опровержению предварительных сведений экспедиции 1909–1910 годов под руководством Р. Х. Лепера о существовании поселения VII–VI веков до н. э. на территории Гераклеийского полуострова, в районе «Базилики Св. Лаврентия», то есть в центре южной части городища [15]. Согласно стратиграфическому исследованию, возможным представлялось выделить 4 геологических слоя: 1-ый – содержал предметы XV–XIX веков; 2-ой – относился к X–XI векам; 3-ий – к позднеэллинистическому времени (рубеж эр); 4-ый – к IV–II векам до н. э. [15, с. 115–116]. Автор также дал отдельную характеристику каждому из 6 строительных периодов, в разное время присутствовавших на данной территории: они начинались с III века до н. э. и сменяли друг друга до конца XIII века, когда средневековый город был окончательно разрушен монголами [15, с. 118–121]. Главными выводами из раскопок К. Э. Гриневича были подтверждение версии К. К. Косцюшко-Валюжинича о существовании на исследуемой территории в X–XII веках монастыря и опровержение гипотезы Р. Х. Лепера о существовании эллинского поселения на Гераклеийском полуострове в VII–VI веках до н. э.: оно было основано не ранее III века до н. э., скорее всего, самими жителями Херсонеса [15, с. 121].

Продолжением исследований древностей неизученных районов Херсонеса Таврического стали раскопки 1927–1928 годов. Отчеты этих экспедиций под руководством К. Э. Гриневича, опубликованные в журнале «Крым», показывают комплексность задач, формулировавшихся при начале раскопок [16; 17]. В 1928 году объектом работ стали остатки масштабного многоуровневого здания, содержащего в себе 4 культурных слоя (от V века до н. э. до находок времен Крымской войны 1853–1856 годов), находившегося на территории бывшего «хутора Бермана», в античное и средневековое время не входившей в городскую черту [16, с. 47–71]. Параллельно К. Э. Гриневич руководил обследованием оборонительных сооружений Херсонеса римского периода (первые века нашей эры), используя при этом материалы работ А. Л. Бертье-Делагарда, как первого серьезного их исследователя [17, с. 18–32]. Последующие исследователи Херсонеса (В. И. Кадеев, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко, С. Б. Сорочан), проводившие археологические исследования античных и средневековых памятников городища, а также предпринявшие попытки создания очерков истории изучения одного из крупнейших археологических памятников Крыма, отмечали ключевую роль К. Э. Гриневича в возобновлении система-

тических научных исследований на территории Херсонеса, что позволило создать на территории СССР эталонный памятник греко-римского и византийского периодов. Кроме того, в историографии отдельно подчеркивается исключительная роль К. Э. Гриневича в становлении музея на территории городища, как специализированного профессионального научного учреждения, которое выполняло не только экспозиционную функцию, но и проявило себя как самостоятельный научно-исследовательский центр. Авторы исследований также соглашаются с выводами К. Э. Гриневича, которые он сформулировал относительно предназначения и роли объектов раскопок под его руководством во второй половине 20-х годов XX века, эти данные заняли прочное место в реконструкции истории древнего города и не были опровергнуты или подданы сомнению [18; 19].

Отчет о начале раскопок городищ Керченского района в 1927 году содержится в очерке директора Керченского историко-археологического музея, председателя Керченского отделения РОПИК Юлия Юльевича Марти (1874–1959) «Раскопки Керченской экспедиции 1928 года: Предварительное сообщение», который был написан на основании отчета, поданного исследователем в ГАИМК и текст которого сохранился в фондах Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук [20; 21]. Более всего из группы городищ на бывшей территории европейской части Боспорского царства на Керченском полуострове исследователем выделялся Китей. В своем отчете–очерке Ю. Ю. Марти остановился на общей характеристике состояния городища до начала обследования, представил археологический план Китея, уточнил локализацию городища, основываясь на критике сообщений античных авторов и иностранных путешественников конца XVIII – первой половины XIX века [21, л. 6–7]. Далее ученый подробно описал ход раскопок оборонительных сооружений в 1928 году, позволивший определить время жизни на городище в античную и раннесредневековую эпохи – с V века до н. э. по V–VI века н. э. [21, л. 8–9]. Интересные детали совмещения греческих и варварских (скифо-сарматских) форм погребального обряда были представлены в разделе отчета, касавшегося характеристики погребений некрополя Китея [21, л. 9–11]. Также Ю. Ю. Марти в своем очерке опубликовал описание ценной находки с экспедиционных раскопок на горе Митридат в 1928 году – сохранившийся деревянный детский саркофаг, предположительно созданный в I веке н. э. [21, л. 11–13]. Значительным недостатком в истории изучения памятников Керчи и Керченского полуострова до сегодняшнего времени является отсутствие научного очерка этого процесса. Как исключение можно назвать лишь популярную работу главного хранителя Керченского государственного историко-культурного заповедника В. Н. Боровковой «Коллекционеры и торговцы керченскими древностями» (1999 г.), в которой предпринята попытка создания очерка истории изучения боспорских памятников. Однако деятельность и оценка вклада Ю. Ю. Марти на посту директора Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина представлены в этом исследовании фрагментарно, краткий очерк реконструирует только общие моменты биографии исследователя и членов его семьи, анализ наследия ученого остается вне контекста исследования [22].

Материалом для организации штудий, посвященных археологическому изучению мусульманских памятников средневековых городов Крыма – Солхата и Бахчисарая, стали результаты экспедиции, организованной Совнаркомом и ЦИКом Крымской АССР в 1925–1926 годах. Ее возглавил член Правления РОПИК, профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959). Публикацию материалов экспедиции осуществил член Правления РОПИК, профессор Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) [23]. В экспедиции также принимали участие заведующий художественным отделом ЦМТ, профессор П. И. Голландский (1865–1939) и преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе О.-Н. А. Акчокраклы (1879–1938), помощь в проведении экспедиции оказывал Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Интересы исследователей, согласно очеркам А. С. Башкирова «Сельджукизм в древнем татарском искусстве» и «Художественные памятники Солхата», были сосредоточены на исследовании памятников архитектуры древней столицы крымских татар – Солхата (Старого Крыма). Одним из главных выводов экспедиции стала концепция о значительном влиянии на архитектуру крымских татар в XIV–XVI веках сельджукского компонента, имевшего происхождение из Малой Азии. А. С. Башкиров выделял это влияние, как в памятниках монументального зодчества, так и в деталях декоративной орнаментальной резьбы на каменных сооружениях [23, с. 108]. В качестве примера для подтверждения гипотезы приводилось подробное описание солхатской медресе-мечети «времен хана Узбека», датированной 1314 годом. Она представляла собой два, тесно связанные между собой, но самостоятельные по назначению, сооружения. Оба имели квадратную форму, помещение мечети в 4 раза превосходило по площади медресе. Мечеть была построена в характерной для сельджукизма манере 3-нефного комплекса, с входом в северной стене, михрабом (молитвенной нишей) – в южной, перекрытым плоским потолком. А. С. Башкиров проводил аналогии солхатской мечети Узбека с другими памятниками сельджукской архитектуры Малой Азии и останавливался на общих чертах орнаментации этих памятников [23, с. 109–115]. В заключение очерка, ученый сформулировал основные сходные черты техники строительства солхатской медресе-мечети и сельджукских памятников: использование белого зернистого известняка, как в кладке стен, так и в орнаментации деталей; техника кладки стен массивными блоками (квадрами); полное сходство проектирования и орнаментации порталов, михраба мечети и надгробий похороненных на ее территории [23, с. 122–123].

В своем более позднем очерке А. С. Башкиров предпринял попытку реконструкции первоначального облика исследованной медресе-мечети и привел еще один пример сельджукского влияния в архитектуре – мечеть Куршум-Джами в Старом Крыму, сохранявшую основные архитектурные черты сельджукизма, и, вместе с тем, отличавшуюся планировкой от медресе-мечети Узбека [24]. Значительная часть очерка была посвящена обзору массива солхатских и бахчисарайских надгробий, исследованных экспедицией. Благодаря характерному орнаменту сельджукского происхождения, А. С. Башкиров датировал 10 надгробий XIV–XV веков [24, с. 136–144].

Если в задачу А. С. Башкирова входило только описание результатов раскопок и формулирование общих предварительных заключений, то построение теоретических заключений на основании результатов экспедиции принадлежало И. Н. Бороз-

дину. Кандидат исторических наук У. К. Мусаева в своей монографии «Подвижки крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки» формулирует вывод о том, что И. Н. Бороздин в своих публикациях по исследуемой проблеме настаивал на тесной связи, которая прослеживалась в памятниках крымскотатарского зодчества ордынского периода с влиянием архитектурных традиций памятников Малой Азии, завоеванной в тот период сельджуками, мамлюкского Египта, Византии и итальянских городов-государств Средиземноморья. Это переплетение традиций создавало, по мнению И. Н. Бороздина, синкретический, «своеобразный культурный облик» городов Крыма эпохи средневековья, а также опровергало устоявшееся в науке мнение о закрытости друг от друга культур Западной Европы и мусульманского Востока. Итогами работ экспедиции 1925–1926 гг. под руководством И. Н. Бороздина в Старый Крым стали публикации как теоретического характера, предлагавшие методику проведения соответствующих исследований, так и проведение специализированной выставки, на которой были представлены либо сами оригиналы раскопанных памятников, либо их репродукции [25].

Изучение средневековых археологических памятников Генуэзской крепости в Судаке стало предметом исследовательского интереса профессора Перового МГУ, члена Правления РОПИК Николая Дмитриевича Протасова. В обзорном очерке «Памятники Судака», изданном в 1926 году [26] ученый остановился на описании развалин Судакской крепости, определял время ее строительства, ссылаясь на письменные источники (1385–1414 годы), приводил архитектурные аналогии с памятниками зодчества средневековой Италии [26, с. 95–101]. Автор также анализировал взаимоотношения генуэзских колоний в Крыму с крымскими татарами через призму захватов Судака в 1222, 1299 и 1327 годах при ханах Чингисхане, Ногае и Узбеке соответственно. Также в очерке была представлена характеристика структуры и краткая политическая история генуэзской республиканской администрации в Крыму [26, с. 102–105]. В заключение Н. Д. Протасов обращал внимание общественности на необходимость охраны уникального архитектурного и исторического памятника.

Статья Н. Д. Протасова о раскопках в Судаке в 1928 году [27] представляла отчет о предварительном исследовании совместно с членами Судакского отделения РОПИК одного из христианских церковных сооружений крепостного комплекса – т. н. «храма на кронштейнах», построенного во второй половине XIV века.

Таким образом, в течение 1923–1928 годов члены РОПИК в рамках экспедиций, организованных центральными государственными памятникоохранительными учреждениями совершили ряд археологических исследований и открытий, позволивших сформулировать значительные концепции в области первобытной, античной и средневековой археологии Крыма. Результаты некоторых полевых исследований предопределили пути развития отдельных отраслей советской археологической науки на последующие десятилетия, дали необходимые материалы для создания широких теоретических выводов. Публикации А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Б. С. Жукова, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасова, предпринятые в периодическом научном органе РОПИК, способствовали становлению советской археологической науки, создавали историографическую основу для последующих исследователей. Однако, в условиях гонений на академи-

ческую науку в 30-х годах XX века, репрессий против ученых (им подверглись А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Б. С. Жуков пал их жертвой) наследие исследователей на некоторое время – от одного десятилетия до нескольких – оставалось невостребованным, либо использовалось в далеко неполном, а порой и искаженном виде. Несмотря на это, результаты археологических и памятниковедческих экспедиций под руководством членов РОПИК в Крыму в 20-е годы XX века стали значительной вехой в дальнейшем развитии археологических исследований в Крыму.

Список литературы

1. О тенденциях развития крымского краеведения в 20-е гг. XX в. см.: Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – (Библиография крымоведения ; вып. 3). – 432 с; Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – (Библиография крымоведения; Вып. 7). – 324 с.; Непомнящий А. А. «Еще держится у нас старая культурность...» : Новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 19. – С. 181–202; Непомнящий А. А. «Поки оберігаємо та рятуємо, там де можна, але це дуже важко...» : невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А. І. Маркевича та С. Ф. Платонова / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України ; УТОПК. – Київ, 2008. – Вип. 13. – С. 201–227; Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – (Библиография крымоведения ; вып. 12). – 600 с.
2. О деятельности РОПИК подробно см.: Севастьянов А. В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...» : Документы архивов свидетельствуют / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 12/13. – С. 128–152; Севастьянов А. В. «На переломе» : Российское общество по изучению Крыма в 1926–1928 гг. : цели, мероприятия, результаты / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – 2009. – № 25. – С. 185–203; Севастьянов О. В. Десять років на службі краєзнавству : Російське товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) / О. В. Севастьянов // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 96–102; Севастьянов А. В. О научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) : историографический аспект / А. В. Севастьянов // Крымский архив. – 2009. – № 11. – С. 251–264.
3. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Крым. – 1926. – № 2. – С. 74–94.
4. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма : в 3 вып. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Вып. 1 : Грот Киик-Коба. – 1940. – 226 с.; Вып. 2 : Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. – 1941. – 172 с.; Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский; Под ред. и доп. В. В. Буняка. – 1954. – 399 с.
5. Бунак В. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) : Биографические сведения и краткий очерк научной деятельности / В. В. Бунак // Палеолит Крыма / под ред. и доп. В. В. Буняка. – Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 388–393.
6. Бибиков С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибиков // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
7. Смирнов С. В. Г. А. Бонч-Осмоловський і сучасна археологія / С. В. Смирнов // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 146–153.
8. Григорьев Г. П. Место Г. А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита / Г. П. Григорьев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 33–35.

9. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и становление технологического подхода к изучению каменной индустрии эпохи палеолита / С. А. Васильев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 35–36.
10. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : Историографические очерки / У. К. Мусаева ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Таврия, 2004. – С. 51–70. – (Библиография крымоведения ; вып. 2).
11. Жуков Б. С. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г. : предварительное сообщение / Б. С. Жуков // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 99–107.
12. Формозов А. А. О Борисе Сергеевиче Жукове : Материалы к биографии / А. А. Формозов // Формозов А. А. Статьи разных лет / Курский гос. мед. ун-т – Курск, 2008. – С. 176–192.
13. Предварительный отчет об экспедиции МОПИК в Крым в 1928 году : работы на яйле // Крым. – 1929. – № 2 (10). – С. 87–88.
14. Гриневич К. Э. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом : Корсуни – наших древних летописей / К. Э. Гриневич // Крым. – 1926. – № 2. – С. 195–196.
15. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. / К. Э. Гриневич // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 112–113.
16. Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. : предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. 2. – С. 34–71.
17. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. : предварительный отчет / К. Э. Гриневич // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 14–32.
18. Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича / В. И. Кадеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 187–189.
19. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков : Майдан, 2001. – С. 42–45.
20. Марти Ю. Ю. Раскопки Керченской экспедиции 1928 года : предварительное сообщение / Ю. Ю. Марти // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 5–13.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), оп. 1, д. 155, л. 2–9.
22. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями / В. Н. Боровкова ; под ред. В. Н. Зинько. – Керчь : Дементра, 1999. – С. 145–148.
23. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве / А. С. Башкиров // Крым. – 1926. – № 2. – С. 108–125.
24. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата / А. С. Башкиров // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 123–135.
25. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии... – С. 73–76.
26. Протасов Н. Д. Памятники Судака / Н. Д. Протасов // Крым. – 1926. – № 2. – С. 95–107.
27. Протасов Н. Д. Раскопки в Судаке летом 1928 г. : предварительное сообщение / Н. Д. Протасов // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 86–97.

Севастьянов О. В. Вивчаючи старовину та зберігаючи пам'ять: Проблеми історії матеріальної культури та охорони пам'яток в науковій спадщині членів Російського товариства з вивчення Криму (1922–1932 гг.) / О. В. Севастьянов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 168–179.

В статті на підставі аналізу масиву наукових публікацій членів Російського товариства з вивчення Криму відтворюється активний дослідницький процес вивчення історії матеріальної культури та охорони пам'яток у Кримській АСРР у 20-тих – на початку 30-х рр. ХХ ст. Репрезентується історіографічна оцінка наукової спадщини О. С. Башкірова, Г. А. Бонч-Осмоловського, І. М. Бороздіна, К. Е. Гриневича, Ю. Ю. Марті.

Ключові слова: Російське товариство з вивчення Криму, археологія, пам'ятки, О. С. Башкіров, Г. А. Бонч-Осмоловський, І. М. Бороздін, К. Е. Гриневич, Ю. Ю. Марті.

Sevastyanov A.V. Studying an antiquity and holding in remembrance: Problems of history of material culture and protection of monuments in a scientific heritage of members of the Russian society on studying of Crimea (1922-1932) / A.V. Sevastyanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 168–179.

In article on the basis of the analysis of a file of scientific publications of members of the Russian society on studying of Crimea active research process on studying of history of material culture and protection of monuments in Crimean ASSR in 20 is recreated – the beginning of 30th XX century. Is represented a historiographic estimation of a scientific heritage of A.S.Bashkirov, G.A.Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K.E.Grinevich, Ju.Ju.Marti.

Keywords: the Russian society on studying of Crimea, archeology, monuments, A.S.Bashkirov, G.A.Bonch-Osmolovsky, I.N.Borozdin, K.E.Grinevich, Ju.Ju.Marti.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.